

Ewa Pańkowska

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Uniwersytet w Białymstoku

МИХАИЛ ЕЛИЗАРОВ:
МЕЖДУ ПОСТМОДЕРНИЗМОМ
И «МАГИЧЕСКИМ РЕАЛИЗМОМ»
(НОГТИ, БИБЛИОТЕКАРЬ, МУЛЬТИКИ)

Keywords: Mikhail Elizarov, Soviet, cruelty and violence, magical, nostalgia

Михаил Юрьевич Елизаров (род. 1973) – один из самых ярких и самых противоречивых представителей русской современной прозы; писатель, обладающий многогранной натурой, хотя, по словам самого Елизарова, он и не современный, и не вполне литератор [Беседин 2012, online], который в последнее время в литературном плане именно «погрузился в молчание»¹ и стал, главным образом, музыкантом, исполнителем собственных песен в жанре «бард-панк-шансон»². Творчество Елизарова и читателями, и критиками воспринимается весьма неоднозначно, поэтому отзывы о его произведениях варьируются от возмущения, отчуждения, даже полного неприятия до неподдельного восторга, при этом подчёркивается, что елизаровские тексты в одинаковой степени способны читателя соблазнить, как и разозлить. Итак, писатель «погружает» читателя в очень мрачный мир,

¹ Последняя книга Елизарова, сборник рассказов *Мы вышли покурить на 17 лет...*, была опубликована в 2012 году. По поводу своего «писательского молчания» прозаик замечает: «С 2012 года у меня был период, когда я не совсем понимал, о чём нужно писать. Я не считаю нужным заполнять пространство собственными высказываниями, если они каким-то образом надуманны или необязательны» [Рыжков 2017, online].

² Можно определить, что «бард-панк-шансон» – это авторская песня, особенность которой заключается в критическом отношении к человеку и обществу (затрагиваются в ней, например, следующие темы: конец света, апокалипсис, катастрофа). Сам автор термина, Елизаров, объясняет, что это условное название: «Во главе – текст, и его сопровождает простой, легко запоминающийся мотив. И всем вместе должно быть весело. Тут речь ни в коем случае не идёт о юморе. Я пытаюсь вытаскать потустороннюю изнанку веселья. Иногда получается обратный эффект» [Мокеева 2012, online].

можно даже рискнуть и констатировать, что в мрачный мир всякого рода патологий, где, соответственно, «царствуют» жестокость, безнравственность, бездушие, измена, обман, лицемерие, извращённость. В своих произведениях Елизаров выбирает жёсткое, агрессивное воплощение жизни³ и показывает прежде всего «тёмное» в человеке: разлад и дисгармонию его внутреннего мира, его духовное опустошение, склонность к саморазрушению, а в человеческих взаимоотношениях – полное преодоление границ не только порядочности, но и вседозволенности. В елизаровском изображении мир так называемых «нормальных» людей в сущности оказывается «ненормальным», так как беспринципность, моральная распушенность, жестокость становятся в нём обычными явлениями, а «святого», «светлого», «чистого» и «прекрасного» в нём почти уже не существует, и даже если оно вдруг появляется (у Елизарова иногда в очень необычной форме), то лишь на миг, а потом его мгновенно «искажают», превращают в «порочное», «пошлое»⁴. Примером этого может служить история «необычной любви», описанная Елизаровым в заглавной повести его дебютного сборника *Ногти* (2001). Действие произведения сначала происходит в интернате для слабоумных детей. Одарённый мальчик Саша Глостер, горбун-пианист, влюбляется в «спящую красавицу» по имени Настенька, он заботливо ухаживает за находящейся в коме девочкой и однажды замечает, что с ней что-то произошло, что-то в ней изменилось: «А однажды я не узнал Настеньку. (...) Изменилось лицо, в нем появилась тайна, во рту подобие улыбки и порока. Тело словно наполнилось чем-то земным, из него ушла одухотворенность, исчезла, пусть призрачная, но мудрость. Как подменили Настеньку. (...) что случилось?» [Елизаров 2011, 20]. Выясняется, что два молодых санитаря изнасиловали Настеньку и тем самым опозлили её чистоту, исказили невинную любовь двух ущербных существ. Этот акт

³ Сам Елизаров утверждает: «Ничьи искусства жизни не отражают. Я бы сказал, что исполняю альтернативную реальность, которая находит отклик у небольшой группы людей» [Беляков 2016, online]. По поводу «правды жизни» прозаик ещё добавляет: «Всё выдумка, всё сказка, даже самый реалистичный текст. И новости – сказка. Ибо не вполне соответствуют реальности. Там есть какие-то дополнительные подтексты и какая-то скрытая информация, о которой мы не знаем. Что уже говорить о художественной литературе?» [Рыжков 2017, online].

⁴ Оказывается, что вся эта «порочность», аморальность часто прикрывается видимой оболочкой благопристойности или просто обыденности, будничности, «нормальности». В рассказе «*Киевский торт*» (сборник *Ногти*), например, мы имеем дело, казалось бы, с естественной отцовской любовью, с отцовской заботой о дочери, с некоей натуральной отцовской ревностью по отношению к будущему мужу дочери, но всё не так просто и не так однозначно, так как всё это вытекает в сущности из того, что отец уже давно состоит в интимной связи с родной дочерью, и, по-видимому, такая ситуация повторится, когда родится внучка: ««(...) вот девочка родится, будем приводить на выходные». – Да, и если поедет в отпуск, тоже у тебя оставим. Андрей так и сказал: ты идеальный отец и будешь идеальным дедушкой» [Елизаров 2011, 424]. Следует обратить внимание на реакцию критики на сборник *Ногти*: «зарубежная пресса восприняла сборник как очередной “ужастик” о постсоветской России, а русская – как пасквиль на современную действительность и чуть ли не доказательство психической ущербности автора» [Погорелая 2009, online].

«изнасилования-использования»⁵ видит Глостер и просто начинает подражать санитарам, руководимый естественным (звериным) инстинктом: «(...) я заплакал от жадности к Настенькиному телу (...), от опустошенности души. Я закутал использованную Настеньку в одеяло и поплелся в палату» [Елизаров 2011, 21]. В конечном итоге Настенька умирает после «спешного и неуклюжего аброта» (официальная причина смерти: «внутреннее кровотечение»), а Александр убивает её обидчиков, но, что кажется самым ужасным, «не из чувства мести, а, скорее, от удивления. Это было просто открытие возможности» [Елизаров 2011, 24]. К сказанному уместно добавить меткое замечание литературного обозревателя Лизы Новиковой: «В повествовании “про уродов и людей” первые научаются у последних всему нехорошему: грабить, убивать (...)» [Новикова 2001, online]. Необходимо при этом подчеркнуть, что в елизаровском мире, мрачном, но одновременно и таинственном, загадочном, особенную роль играют именно «уроды», то есть дефектные существа⁶, с различными, прежде всего психическими отклонениями или ментальными особенностями (возникает здесь проблема безумия и «инаковости», присутствия «другости» в человеке). Это юродивые, «одарённые безумцы», которым открыты истинные тайны, недоступные другим. Главные герои повести *Ногти* – только с виду «два дурачка» – как говорит один из них: «Мне не было нужды прикидываться дурачком – меня таким считали» [Елизаров 2011, 22]. Но на самом деле эти выпускники интерната для умственно отсталых детей обладают необыкновенными, уникальными способностями, а взрослые легко ими манипулируют из-за их наивности, а не безумия. Саша Глостер, как мы уже заметили, талантливый пианист-самоучка, а Серёжа Бахатов – это его ангел-хранитель, «колдун», который, совершая специальный ритуал (с использованием обкусанных ногтей), способен предсказывать будущее и даже его моделировать⁷. С чисто медицинской точки зрения можно бы

⁵ Несомненно, шокировать могут некоторые высказывания писателя: «Наивно думать, что изнасилование – это просто получение удовольствия, это гораздо более сложное, мистическое событие, близкое к оргиастическим мистериям. Я попытался рассмотреть за этим какую-то метафизическую глубину – это не удовлетворение инстинкта, это сложный магический ритуал, даже если его участники не догадываются об этом» [Бойко 2009, online].

⁶ Неиссякаемый интерес к ущербным людям сам Елизаров объясняет тем, что это «особая раса»: «Они интересны, они художественны. Они – персонажи. Мне неприятно, когда кто-то называет их уродами. Просто рядом с нами проживает еще одна раса, иная городская цивилизация – люди метро, окраин, подвалов, рынков. Они просто искрят магическим, потусторонним. Жить рядом с ними невозможно, но иногда наблюдать за ними интересно» [Бойко 2009, online].

⁷ В повести *Ногти* намечается также елизаровский интерес к мифологии (славянской, но и скандинавской – поверье помещать мешочек с остриженными ногтями в гроб и хоронить вместе с умершим [Павлюкова 2016, 73]), к «языческой ритуальности». Прозаик заявляет: «Я люблю русское язычество и народное неканоническое православие. Мне близки суеверия народа, смешения, мутации его верований. В этом живёт метафизика народа. Я с уважением отношусь к каноническому православию, но украдкой предпочитаю те дикие его маргинальные формы, которые оно обретает на окраинах, перерастая из веры в такое чудесное народное мракобесие. В каноне религиозная жизнь застывшая, вялая» [Захарова 2016, online].

определить, что Глостер просто страдает раздвоением личности: есть он и есть гениальный «музыкант», живущий в его горбе (появляется мотив «двойника внутри “я”»), но безумие Саши можно также считать «метафорой выхода человека, пусть на мгновение, за рамки своих человеческих возможностей – (...) в искусстве (...)» [Колмакова 2015, 229]. Таким образом в творчестве, в «божественной» музыке герою открывается высшая реальность, мир подлинной гармонии [Павлюкова 2016, 73].

Важной особенностью художественной манеры Елизарова является, как указывает литературовед Марина Безрукавая, намеренный отказ от классических идеалов⁸ и обращение к «сюжету преступления», создание тем самым атмосферы криминальной событийности – это агрессия, брутальность персонажей, иногда даже их маниакальные устремления, драки, сражения, убийства [Безрукавая 2014а, 31]. В художественном мире многих произведений Елизарова мы не найдём ни гармонии, ни душевного спокойствия, зато в нём много жестокости, насилия⁹, смерти – можно здесь говорить о нарочитой детализации явлений смерти, об угнетающем присутствии «мёртвого», об особенном влечении прозаика к изображению «мёртвого», иными словами, о тяготении Елизарова к «некроэстетике» [Безрукавая 2014б, 100]. Обращают внимание изобретательность, с какой писатель «находит мирные орудия для убийств (топоры, молоты, косы, вилы, лопаты и прочий садовый инвентарь, ломы, цепи, шила, спицы)», а также своего рода «сладострастие», с каким он подробно описывает различные способы убийства [Латынина 2009, online]. Наглядным примером могут здесь служить сцены кровавых битв библиотек, изображённые Елизаровым в романе *Библиотекарь* (2007), за который прозаик удостоился премии «Русский Букер-2008». Присуждение российской премии уроженцу и гражданину Украины (этот факт особо подчёркивается противниками Елизарова), при этом за произведение «о скрытой магии сопреализма»

⁸ Типичным для Елизарова является частое обращение к обценной лексике, что указывает, по словам Безрукавой, на «резкое расхождение автора с классическими традициями русской нравственной литературы, считающей обращение к ненормативным словам недопустимым. Но в мире М. Елизарова переход этической границы – важный фактор формирования и сюжетного, и риторического пространства, поэтому его тексты насыщены тем, что называют «русским матом» [Безрукавая 2014б, 100]. Писатель добавляет: «я рад, что ненормативная лексика остается ненормативной, а соответственно, у языка сохраняется экспрессия, живость» [Беляков 2016, online]. Яркое подтверждение этому тезису Елизарова мы найдём, например, в его рассказе *Трактат о смерти* (сборник *Ногти*) – разговор властной жены со слабохарактерным мужем, кстати, жена постоянно унижает своего супруга, «смакует» все его неудачи: «– Она полезла мне рукой... – Куда полезла? – уточняет Эльза Артуровна. – В трусы. А у меня, это... – Илья Дмитриевич розовеет. – Не встал, – веселится Эльза Артуровна. (...) – Ну, она мне начала мять, ну это... – Что? – Ну, член... (...) – Говори как взрослый мужик! – Ну, хуй... (жирный шрифт – Е.Р.)» [Елизаров 2011, 475-476]. Изобилию нецензурной лексики сопутствуют ещё и особый цинизм автора, и его «могильный юмор» [Рагозина 2001, online].

⁹ По поводу насилия в своих произведениях писатель заявляет: «Я человек совершенно не злой, но мир, который я наблюдаю, ужасно жесток, и насилие стало его постоянным атрибутом» [Михаил Елизаров – *Портреты* 2010, online].

(за «ностальгирующую по Советскому Союзу фантазмагорию»), как можно было предположить, вызвало бурные и длительные дискуссии среди литераторов, у многих из них вызвало бурную отрицательную реакцию¹⁰. В *Библиотекаре* враждебные по отношению друг к другу группы («библиотеки») тайно охотятся за уцелевшими книгами писателя-соцреалиста Дмитрия Александровича Громова, который «дожил свои дни в полном забвении. Книги его бесследно канули в макулатурную Лету, а когда политические катастрофы разрушили советскую Родину, о Громе, казалось, вспомнить было некому» [Елизаров 2018, 9]. Спустя годы выясняется, что книги Громова обладают магическими свойствами, магической силой, то есть каким-то образом воздействуют на психику человека (необходимо только соблюдать условия тщательного и непрерывного прочтения), причём каждая из книг воздействует по-разному [Латынина 2009, online]. Тайна произведений содержится, конечно, в секрете, а читатели вынуждены вести двойную жизнь – в конечном итоге возникает «громовский универсум», в котором постоянно идёт безжалостная борьба за право обладания «магическими текстами»: «И всё же у Громова имелись настоящие ценители. Они рыскали по стране, собирая оставшиеся книги, и ничего не пожалели бы за них. Это в обычной жизни книги Громова носили заглавия про всякие плёсы и травы. Среди собирателей Громова использовались совсем другие названия – Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла...» [Елизаров 2018, 11]. Что касается оценки романа *Библиотекарь* в критике, то для одних в произведении изображена история возникновения опасного культа книг, которые действуют на человека как наркотик. Как утверждает литературовед, критик, журналист Алла Латынина: «Действие книг сродни наркотику: человек получает кайф, но, выйдя, из эйфорического состояния, хочет новую дозу галлюциногена». Латынина добавляет: «Подозрительность, доносительство, шпионаж, предательство, рабская подчиненность вождю, фанатизм, равнодушие к чужой жизни – вот к чему приводит магия громовских книг» [Латынина 2009, online]. Подытоживая, можно констатировать, что последователи и приверженцы культа громовских книг – это сектанты, которые с чудовищным изуверством убивают своих противников, одновременно они находятся в полной зависимости от громовских романов, не имея над ними никакого контроля. Читатели громовских произведений, оказавшись в замкнутом мире библиотек, обречены жить по его законам, среди которых самый важный и самый ужасный: покинуть библиотеку возможно исключительно через смерть [Ханов 2015, 230].

¹⁰ С одной стороны отмечалось, что *Библиотекарь*, как самый радикальный, самый яркий из всех романов, когда-либо получивших «Русского Букера», «впрыснул свежую кровь» в эту консервативную премию, с другой стороны подчёркивалось, что это самый бестолковый роман из всех елизаровских текстов [Александров 2008, online], переполнен однотипными сценами сражений, с нелепым финалом [Латынина 2009, online].

По мнению других литераторов, в *Библиотекаре* Елизаров пишет о потребности единения и веры, о поисках истины и цели жизни. В таком контексте «библиотека» – это община «обиженных постсоветскими временами»¹¹, это сообщество людей, которым благодаря ритуалу чтения громовских книг удалось достичь «чуда», так как: «в мире всеобщего отчуждения возникает неразрывная связь сильных, мужественных, верных товарищей, всегда готовых к самопожертвованию друг для друга»¹² [Степанов 2014, online]. Действительно, фактором, который объединяет членов «громовской вселенной», можно считать неумение вписаться в постсоветскую реальность, отчуждённость от неё. Поиск и чтение громовских книг, которые выступают как собирательный образ соцреалистических произведений, становится для героев единственным способом обретения прошлого (тем самым единственным способом самоидентификации), которое ассоциируется в сознании громовцев с упорядоченной действительностью [Ханов 2015, 230], с чувством безопасной целостности в противовес хаосу, свойственному «переходной» социокультурной ситуации в России 1990-2000-х гг., в противовес чувству потери аутентичности мира, чувству потери аутентичности собственного «я», которые рассматриваются именно как результат радикальных изменений. Таким образом, функционирование советской составляющей, советского дискурса в *Библиотекаре*¹³ бесспорно, поэтому после выхода романа многие начали упрекать Елизарова (некоторые, наоборот, хвалить) в актуализации советского мифа, в романтизации Советского Союза, в реабилитации соцреализма и всего советского, в канонизации советского прошлого¹⁴ [Латынина 2009, online], одновременно начали подыскивать для автора всевозможные имена: от «возвращенца из мира советской идео-

¹¹ Основные события в произведении приходятся на самый стык тысячелетий, на двухтысячный год.

¹² Интересным является факт, что литературовед Андрей Степанов елизаровскую идею общины связывает не с советской, а с классической русской литературой: «Именно она идеализировала общину, соборность, церковь, любое добровольное объединение людей во имя спасения души и служения истине: этот смысл был общим знаменателем и Толстого, и Достоевского, и народников, и символистов, и части революционеров» [Степанов 2014, online]. Латынина, в свою очередь, доказывает, что те качества, которые прославляются именно советской литературой, то есть дружба, мужественность, самоотверженность, героизм, жертвенность, присущи громовским сектантам, но они оборачиваются главным образом жестокостью, фанатизмом, ведут к весьма отрицательным последствиям (предательству, гибели друзей). Латынина подчёркивает: «К тому же, к чему привела и одержимость искренних строителей коммунизма» [Латынина 2009, online].

¹³ Различные формы «советскости» появляются и в других произведениях прозаика (например, повесть *Госпиталь* (2001), роман *Мультики* (2010)), причём советская составляющая играет значимую роль не только в литературных текстах Елизарова, но и в его песнях [Ханов 2015, 229].

¹⁴ Необходимо добавить, что с одной стороны, Елизарова «обвиняют» в возвращении к романтике коммунизма («долгой неравенство»), а с другой – в православном фундаментализме (возрождение христианской нравственности) [Латынина 2009, online].

логии», «ностальгирующего постсоветского мифотворца»¹⁵, до «чёрного мага от литературы» [Погорелая 2009, online]. Сам Елизаров неоднократно подчёркивал, что в *Библиотекаре* он ничего не романтизировал и вовсе не ностальгировал. Если же уже говорить о теме ностальгии, то здесь речь идёт главным образом о тоске по утраченным потенциальным возможностям, о тоске по несостоявшемуся будущему, о грусти по утраченным мечтам, пусть даже и иллюзорным, о тоске по утраченному художественному идеалу государства, воспетому в книгах, фильмах и песнях, идеалу, который, конечно, расходился с реальностью, что, впрочем, вполне естественно: «Земной СССР был грубым несовершенным телом, но в сердцах романтических стариков и детей из благополучных городских семей отдельно существовал его художественный идеал – Союз Небесный» [Елизаров 2018, 468]. Главному герою романа, Алексею Вязинцеву, Книга Памяти «подсунула полностью вымышленное детство, настолько сердечное и радостное, что в него сразу верилось из-за ощущения полного проживания видений, по сравнению с которыми реальные воспоминания были бескровным силуэтом» [Елизаров 2018, 67]. Фальшивые воспоминания (фантомный рай детства) – это и есть «советская иллюзия», это и есть вышеупомянутый художественный идеал, а Вязинцев становится хранителем этого идеала, и он должен любой ценой этот идеальный Союз запечатлеть, так как, по Елизарову, только в этом идеале было «противоядие» от хаоса и стихии распада и разрушения, в которую погрузились советские жители. В таком контексте «советское» можно воспринимать как своего рода «защитный амулет», можно также согласиться с утверждением литературного критика Андрея Рудалёва, что без мечты, без идеала невозможно [Рудалёв 2017, online]. Конечно, суть этого идеала, его составляющие – это уже совсем другая вещь, и здесь оценки могут быть разными, как и, кстати, оценки и интерпретации *Библиотекаря* в целом.

Присуждение Елизарову Букеровской премии стало также своего рода стимулом для того, чтобы попробовать определить роль, какую писатель сыграет в литературном пространстве, и здесь очень часто упоминалось о роли «производителя литературного секонд-хенда», а точнее, прозаику не отводилось иной роли, кроме эпитога, имитатора Владимира Сорокина¹⁶

¹⁵ Елизаров не скрывает своего внимания и уважения к советской литературе, к советскому времени – времени его детства, не скрывает своей жалости к ушедшей жизни и «убыванию памяти, запечатлённой в вещах», и добавляет «Моё отношение к советскому проекту... Чем дальше он погружается во время, тем больше он мне нравится». Писатель прямо высказывает свои антилиберальные взгляды: «Явление либерализма в русской политике – безусловно, вредное и опасное (...)» [Прилепин 2015, online]. Некоторые высказывания и взгляды прозаика могут вызывать недовольство и возражение: «(...) сегодня нет тех лагерей (советских – Е.Р.), а в стране ежегодно вымирает по полмиллиона человек. Нынешнее благообразное государство точно так же пожирает своих людей. (...) Смерть – это смерть. Сегодняшнее государство убивает точно так же, как и советское» [Шаповал 2008, online].

¹⁶ Здесь точки зрения относительно творческой личности Елизарова опять резко разделились: одни сразу провозгласили автора *Библиотекаря* бездарным эпитогом Владимира Сорокина

или даже «сорокинского литературного клона» [Погорелая 2009, online]. Елизарова пытаются сравнивать и с другим представителем постмодернизма, Виктором Пелевиным, и с Юрием Мамлеевым, основоположником «метафизического реализма», говорится и о том, что автор *Ногтей* наследует Николаю Гоголю, Фёдору Сологубу [Решетников 2010, online]. Однако в целом его творчество трудно отнести к определённому направлению в современной русской литературе. Многие исследователи сходятся во мнении, что елизаровские тексты – результат слияния «противоборствующих» художественных систем: постмодернизма и «нового реализма» «нулевых». Сам писатель считает, что «в литературе он сам по себе» и не чувствует «никакого близкого соседства» [Прилепин 2015, online], поэтому не видит себя в коллективном контексте «нового реализма» [Беседин 2012, online], одновременно хотел бы также оградиться от постмодернизма и объясняет: «Мне не нравятся его приемы, его несерьезность, игра, разорванность. Я хотел бы думать, что представляю, скорее, явление модерна» [Беляков 2016, online]. Творчество Елизарова действительно находится в сложном пространстве между постмодернизмом и реализмом¹⁷, в нём плавно сочетаются элементы автобиографизма¹⁸ (одной из основных черт «нового реализма»), условно-метафорической прозы, гротеска, гротескной гиперболизации, поэтики абсурда, обнаружим здесь и типичные для постмодернистской стилистики «жонглирование» словом (игру с табуированным словом), а также разветвление реальности на альтернативные варианты [Колмакова 2015, 224], интертекстуальность, умение соединять в рамках одного текста несводимые вещи, например: фантастическое и реальное, советскую и христианскую парадигмы, использование элементов киноэстетики, массовых жанров (боевик, триллер, ужасы). При характеристике произведений Елизарова употребляют различные термины: «альтернативный постмодернизм», «гротескующий символизм», «игровой реализм», «радикальный реализм», даже «патологический реализм». Появляется также определение «магический реализм», и здесь автор *Библиотекаря* подтверждает, что какую-то часть его текстов можно рассматривать именно в таком «магическом» ключе, что в эти тексты он намеренно вводит категорию «чуда», вводит некие магические элементы, чтобы создать сложную структуру: «Это хороший работающий прием, который позволяет исполь-

(вообще очень бездарным, безграмотным человеком), другие, в свою очередь, заметили, что Елизаров – это «автор, умудряющийся совершенно непринужденно копировать Сорокина, Пепперштейна или Мамлеева, и при этом не стать ничьим эпигоном» [Номад 2010, online]. Некоторые утверждали, что даже если считать елизаровское творчество своего рода «гибридом», «сплавом» определённых приёмов Сорокина, Пепперштейна, Пелевина, Мамлеева, то гибридом необыкновенно удачным, причём подчёркивали, что Елизаров – автор, «несколько экстремальный для среднего читателя» [Курчатова 2007, online].

¹⁷ Как будто сам писатель «застрял» между реальностью и фантазмагорией.

¹⁸ Елизаров констатирует: «Все книги в той или иной степени – автобиографические. Мой багаж – это моя биография» [Рыжков 2017, online].

зывать технику реалистическую. Реализм как описание действительности присутствует всегда. (...) все оперируют предметами реальности, чтобы выстроить какую-то историю. «Магический» – это просто художественный прием, который помогает и двигать сюжет, и выстраивать драматургию» [О кодировке реальности, категории чуда и магическом реализме, online]. В реалистическую ткань ряда произведений Елизарова действительно плавно проникает «магическое начало», причём, по нашему мнению, в большинстве случаев это «чёрная магия» с отчётливым оттенком «инфернальности», «потусторонности».

Наглядным примером такой «реалистическо-магической смеси» является роман *Мульттики* (2010), который условно предлагаем назвать «мистическим романом перевоспитания». На первый взгляд может казаться, что в произведении изображён классический случай поведения «трудного подростка». Итак, пятнадцатилетний Герман Рымбаев переселяется из провинциального городка Краснославска в мегаполис (действие начинается в мае 1988 года). В большом городе он быстро попадает в нехорошую компанию – входит в группу местных хулиганов и начинает принимать участие в акциях по криминальному добыванию денег у граждан. Параллельно падает нравственный уровень Германа, он перестаёт учиться, начинает пить, вступает в случайные интимные связи, отдаляется от родителей¹⁹ – подытоживая, можно отметить, что подросток «совершает резкое движение вниз», которое с логической точки зрения раньше или позже должно привести к наказанию, то есть или к тюрьме, или к ранней смерти. Однажды лидер «уличной команды», к которой принадлежит Рымбаев, предлагает перейти от грабежа школьников к более масштабному способу отъёма денег – к «порнографическому промыслу». Герман и его «соратники» начинают показывать случайным прохожим «мульттики»: девушка распахивает шубу и демонстрирует обнажённое тело, потом появляется её эскорт и требует от «провинившегося» «штраф»: «Мульттики видел? А раз видел, тогда плати!». Неожиданно, после очередного «показа мультиков» Герман попадает в странную, загадочную, «зловеще волшебную» Детскую комнату милиции № 7, пребывание в которой раз и навсегда меняет поведение молодого правонарушителя. С этого момента реальность дестабилизируется, в спокойное движение действительности вторгается какое-то мистическое начало, и в результате мерно текущий реалистический очерк из жизни «трудного подростка» внезапно превращается в «сюрреалистический кошмар» – в тягостный просмотр «воспитательных» диафильмов [Номад 2010, online].

¹⁹ «Улица взяла Германа в оборот», и он становится «Карманным Рэмбо», который очень быстро приобщается к «новой» преступной жизни: «Вначале меня еще немного корбило от мысли, что я участвую, по большому счету, в настоящем грабеже, но, к своему стыду, я излишне быстро вошел во вкус, освоил нехитрые приемы запугивания, научился вычислять жертву по походке, словам, по особому выражению лица. Я успокаивал совесть тем, что наш разбой обычно не заканчивался рукоприкладством» [Елизаров 2010, 25-26].

К Герману приходит заслуженный педагог Алексей Разумовский, так как только он, «педагог с большой буквы», в состоянии спасти «погибающего» несовершеннолетнего «беззаконника». С помощью диапроектора Алексей Аркадьевич показывает Рымбаеву свою непростую жизнь: выясняется, что в далёком прошлом он тоже был преступником: Алёшей Разумом, мальчиком-маньяком, который убил и расчленил нескольких детей²⁰. Алёша, подобно Герману, оказался в центре внимания известного педагога Гребенюка, который, как легко догадаться, в подростковом возрасте был бандитом, развратником, алкоголиком (это бывший Витька Гребень), и за его «исцеление» боролся заслуженный воспитатель Арсений Витальевич Сухово – здесь намечается своего рода дидактическая схема, причём довольно парадоксальная и спорная²¹: только знающий преступление способен исцелять от его последствий, только «перерождённый» преступник, твёрдо вставший на путь исправления, может спасти подростка, «начавшего выпадать из здорового общества» [Безрукавая 2014а, 31, 32]. Затем на глазах у Германа начинают множиться образы, события дублируют друг друга, искажаются, и герой, парализованный неведомой силой, вынужден участвовать в этих «воспитательных процедурах», на самом деле очень жестоких, с применением изопрённого психического насилия – ведь Рымбаев вынужден безропотно сидеть и наблюдать, как его «нарисованный двойник», переместившийся на экран, выполняет все требования Разумовского, а в конечном итоге выдаёт своих друзей: «Я переживал ужасные минуты. Раскачиваясь на стульчике, я беззвучно, холостым горлом выл, а по щекам бежали слезы. Я понимал, что надо мной свершилось немыслимое надругательство. Меня лишили воли и голоса, украли личность, сделали предателем, и не было в мире никакой возможности доказать кому бы то ни было обратное» [Елизаров 2010, 242]. Подростку кажется, что ему отрезали голову, и вдруг после этой «воспитательной экзекуции» наступает «пробуждение», Германа обступает реальность, он оказывается в больнице. Уместно здесь уточнить, что в художественном мире произведений Елизарова бред, сон, полуявь и явь постоянно переплетаются. В *Мультимедиах* мы имеем дело именно с таким «безумным сплетением» реальности с галлюцинацией, сплетением реального с фантастическим, рационального со сверхъестественным, поэтому можно в этом случае говорить о приёме «двойной мотивировки», когда естественный и сверхъестественный ряд объяснений как бы уравниваются в правах, и читателю подсказывается выбор. События, случившиеся с Германом Рымбаевым, действительно допускают взаимоисключающие объяснения. С одной стороны, «необычайные воспитательные процедуры», с которыми Герман столкнулся в Детской

²⁰ Подробное изображение разделки трупа подтверждает вышеупомянутый тезис о тяготении Елизарова к «некроэстетике».

²¹ Возникает сложный вопрос: «Возможно ли исправление буквально каждого человека, даже особо опасного преступника, абсолютно деморализованной личности?».

комнате милиции, можно считать «снами-кошмарами», порождёнными болезнью героя – «фотосенситивностью». В таком контексте Разумовский является лишь продуктом расстроенного ума Рымбаева, персонификацией его подростковых затаённых страхов. С другой стороны, всё произошедшее с Рымбаевым можно воспринимать через призму чистой мистики, то есть некие потусторонние силы вмешались в жизнь малолетнего преступника, и он в результате оказался в «метафизическом междумирии», которое всё-таки сохранило очертания детского исправительного учреждения. Потом Рымбаев попал в руки «инфернального» Разума Аркадьевича, существа странного, циничного, опасного, точно «не от мира сего»: «уж точно не от бога, а от черта – (...) недаром он, как и положено дьяволу, приволакивает ногу» [Бондарнеко 2013, online]. Соответственно этому в произведении появляется мотив, напоминающий сделку с дьяволом – Герман предаёт своих друзей²², а он сам остаётся на свободе: «Особенно мучительно было думать, что мое предательство послужило тем самым смягчающим обстоятельством, обеспечившим мне незаслуженную амнистию» [Елизаров 2010, 310]. Итак, роман *Мультимики*, как правильно замечает журналист Дмитрий Ханчин, можно понять как историю болезни (историю какого-то «уникального сумасшествия», психического расстройства²³), как большую фантазию, как «экскурсию на обратную сторону реальности» [Ханчин 2016, online], можно в произведении увидеть и дидактическое начало²⁴ (ведь Рымбаев социально исправился), хотя довольно экстравагантное и причудливое²⁵. Подытоживая сказанное, можно констатировать, что Детская комната милиции становится аллегорией всей советской государственной машины [Семикин 2010, online], которая заботилась о своих гражданах до такой степени, что готова была проникнуть в ум каждому и перепрограммировать его в нужную сторону – «поставить человека на правильный путь» (или «зомбировать»). Открытым остаётся только вопрос, как к этой государственной «всесторонней заботе», со всеми её достоинствами

²² Все сотоварищи Рымбаева таинственным способом куда-то исчезают, и этот факт в какой-то степени свидетельствует о том, что Герман побывал в некоем потустороннем мире, где его постигло «внутреннее наказание» в виде угрызений совести. Как заявляет Елизаров: «Лично я не создавал историю болезни, и для меня в моём персонаже нет патологии – он человек, случайно угодивший в искривлённый потусторонний мир, и выскочивший из этой метафизической западни с некоторыми душевными потерями» [Бавильский 2010, online].

²³ Роман можно также рассматривать как попытку показать «неведомое» в глубинах человеческой души.

²⁴ Безрукавая указывает в *Мультимиках* на стилизацию советской дидактической, педагогической прозы [Безрукавая 2014б, 101]. Необходимо ещё упомянуть о романе *Заводной апельсин* (1962) Энтони Берджесса, где также изображён процесс «перевоспитания» «трудного подростка» средствами визуальных искусств.

²⁵ За всеми официальными педагогически-гуманистическими лозунгами и мудростями Разума, среди которых основная – это «человеколюбие», скрывается не прекрасный, заботливый, доброжелательный педагог, а садист и маньяк, манипулирующий сознанием своей жертвы (символ агрессивной советской власти). В таком контексте довольно сложно однозначно определить, имеем мы дело с воспитанием или наоборот – с антивоспитанием.

и недостатками, относится автор произведения, находит в ней исключительно ужас или всё-таки и что-то трогательное [Ханчин 2016, online]. Роман *Мультики* вообще оставляет читателя со множеством вопросов, мыслей и возможностью различных интерпретаций, что в сущности касается всего творчества Елизарова.

В настоящей статье нам удалось провести лишь «поверхностный» анализ избранных текстов писателя, лишь коснуться определённых проблем, выявить лишь некоторые особенности его прозы. В заключение стоит процитировать высказывание Елизарова по поводу «вечных» тем в литературе: «Темы уже много столетий одинаковы – разница в оформлении. Любовь, дружба, Родина, предательство, разлука. Они будут волновать всегда» [Беседин 2012, online]. Можно сделать вывод, что эти темы присутствуют в текстах прозаика, но появляются они действительно в очень оригинальном, «постмодернистско-реалистическом» истолковании, с отчётливой «примесью магии и необъяснимого».

Библиография

- Aleksandrov Nikolaj. 2008. «*Russkij Buker-2008*» – *pobedil soblazn*. V: <http://os.colta.ru/literature/events/details/6337/> [Dostup 28 VIII 2018] [Александров Николай. 2008. «*Русский Букер-2008*» – *победил соблазн*. В: <http://os.colta.ru/literature/events/details/6337/> [Доступ 28 VIII 2018].
- Bavil'skij Dmitrij. 2010. *Mihail Elizarov: «Čto-to vrode trudovoj terapii...»*. *Interv'û s Mihailom Elizarovym*. «Častnyj korrespondent» ot 24 iúlâ. V: http://www.chaskor.ru/article/mihail_elizarov_čto-to_vrode_trudovoj_terapii_18727 [Dostup 28 VIII 2018] [Бавильский Дмитрий. 2010. *Михаил Елизаров: «Что-то вроде трудовой терапии...»*. *Интервью с Михаилом Елизаровым*. «Частный корреспондент» от 24 июля. В: http://www.chaskor.ru/article/mihail_elizarov_čto-to_vrode_trudovoj_terapii_18727 [Доступ 28 VIII 2018].
- Belâkov Mihaïl. 2016. «*Oderžimost'*» *Mihaila Elizarova*. *Interv'û s Mihailom Elizarovym*. V: <https://yarcube.ru/interview/67133.php> [Dostup 28 VIII 2018] [Беляков Михаил. 2016. «*Одержимость*» *Михаила Елизарова*. *Интервью с Михаилом Елизаровым*. В: <https://yarcube.ru/interview/67133.php> [Доступ 28 VIII 2018].
- Besedin Platon. 2012. *Mihail Elizarov: «Rossiâ – slovocentričnaâ strana»*. *Interv'û s Mihailom Elizarovym*. V: <http://blog.thankyou.ru/mihail-elizarov-rossiya-slovotsentrichnaya-strana/> [Dostup 28 VIII 2018] [Беседин Платон. 2012. *Михаил Елизаров: «Россия – словоцентричная страна»*. *Интервью с Михаилом Елизаровым*. В: <http://blog.thankyou.ru/mihail-elizarov-rossiya-slovotsentrichnaya-strana/> [Доступ 28 VIII 2018].
- Bezrukavaâ Marina. 2014a. *Koncepciâ čeloveka v romanah M. Elizarova*. «Filologičeskie nauki. Voprosy teorij i praktiki» № 4 (34), cz. 3: 31-34 [Безрукавая Марина. 2014a. *Концепция человека в романах М. Елизарова*. «Филологические науки. Вопросы теории и практики» № 4 (34), ч. 3: 31-34].
- Bezrukavaâ Marina. 2014b. *Struktura povestvovaniâ i sūžetnyj mir v romanah M. Elizarova*. «Vektor nauki TGU» № 3 (29): 99-103 [Безрукавая Марина. 2014b.

- Структура повествования и сюжетный мир в романах М. Елизарова. «Вектор науки ТГУ» № 3 (29): 99-103].
- Bojko Mihail. 2009. «Ušerbnye sušestva – èto osobaa rasa». *Interv'û s Mihailom Elizarovym*. «NG Ex Libris» ot 21 maâ. V: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2009-05-21/2_elizarov.html [Dostup 28 VIII 2018] [Бойко Михаил. 2009. «Ущербные существа – это особая раса». *Интервью с Михаилом Елизаровым*. «НГ Ex Libris» от 21 мая. В: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2009-05-21/2_elizarov.html [Доступ 28 VIII 2018].
- Bondarenko Valerij. 2013. «Mul'tiki» M. Elizarova. V: http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=198 [Dostup 28 VIII 2018] [Бондаренко Валерий. 2013. «Мультики» М. Елизарова. В: http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=198 [Доступ 28 VIII 2018].
- Elizarov Mihail. 2010. *Mul'tiki*. Moskva: Izdatel'stvo AST, Astrel' [Елизаров Михаил. 2010. *Мультики*. Москва: Издательство АСТ, Астрель].
- Elizarov Mihail. 2011. *Nogti*. Moskva: Izdatel'stvo Ad Marginem Press [Елизаров Михаил. 2011. *Ногти*. Москва: Издательство Ад Маргинем Пресс].
- Elizarov Mihail. 2018. *Bibliotekar'*. Moskva: Izdatel'stvo AST [Елизаров Михаил. 2018. *Библиотекарь*. Москва: Издательство АСТ].
- Hančin Dmitrij. 2016. *Knigoprem'era: horror-roman vospitaniâ*. V: <http://xn--80atdujec4e.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/articles/665/i201036/> [Dostup 28 VIII 2018] [Ханчин Дмитрий. 2016. *Книгопреьера: хоррор-роман воспитания*. В: <http://xn--80atdujec4e.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/articles/665/i201036/> [Доступ 28 VIII 2018].
- Hanov Bulat. 2015. *Svoeobrazie funkcionirovaniâ sovetskogo diskursa v romane M.Û. Elizarova «Bibliotekar'»*. «Učenyje zapiski Kazanskogo universiteta. Seria Gumanitarnye nauki» t. 157, kn. 2: 229-238 [Ханов Булат. 2015. *Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь»*. «Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки» т. 157, кн. 2: 229-238].
- Kolmakova Oksana. 2015. *Poëtika metamorfozy v proze M. Elizarova*. «Vestnik TOGU» № 1 (36): 223-232 [Колмакова Оксана. 2015. *Поэтика метаморфозы в прозе М. Елизарова*. «Вестник ТОГУ» № 1 (36): 223-232].
- Kurčatova Nataliâ. 2007. «Bibliotekar'». V: <http://www.timeout.ru/spb/feature/259661> [Dostup 28 VIII 2018] [Курчатова Наталия. 2007. «Библиотекарь». В: <http://www.timeout.ru/spb/feature/259661> [Доступ 28 VIII 2018].
- Latynina Alla. 2009. *Slučaj Elizarova*. «Novyj mir» № 4. V: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/4/la13-pr.html [Dostup 28 VIII 2018] [Латынина Алла. 2009. *Случай Елизарова*. «Новый мир» № 4. В: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/4/la13-pr.html [Доступ 28 VIII 2018].
- Mihail Elizarov – Portrety*. 2010. V: <http://www.sobaka.ru/city/portrety/4568> [Dostup 28 VIII 2018] [*Михаил Елизаров – Портреты*. 2010. В: <http://www.sobaka.ru/city/portrety/4568> [Доступ 28 VIII 2018].
- Mokeyeva Mariâ. 2012. *Mihail Elizarov – pisatel' i muzykant*. V: <http://novostiliteratury.ru/2012/08/interesno/interesnye-fakty-o-pisatelyax-mixail-elizarov-kak-muzykant/> [Dostup 28 VIII 2018] [Мокеева Мария. 2012. *Михаил Елизаров – писатель и музыкант*. В: <http://novostiliteratury.ru/2012/08/interesno/interesnye-fakty-o-pisatelyax-mixail-elizarov-kak-muzykant/> [Доступ 28 VIII 2018].
- Nomad Aleksej. 2010. «Mul'tiki», *Mihail Elizarov*. V: <http://newslab.ru/article/310072> [Dostup 28 VIII 2018] [Номад Алексей. 2010. «Мультики», *Михаил Елизаров*. В: <http://newslab.ru/article/310072> [Доступ 28 VIII 2018].
- Novikova Liza. 2001. *Knigi za nedelû. Mihail Elizarov. «Nogti». M.: Ad Marginem, 2001. P'â Stogoff. «Mačo ne plačut». SPb.: Amfora, 2001. Marusâ Klimova. «Belokurye*

- bestii*). SPb.: SETI, 2001. «Kommersant» ot 4 noâbrâ. V: <https://www.kommersant.ru/doc/253327> [Dostup 28 VIII 2018] [Новикова Лиза. 2001. *Книги за неделю. Михаил Елизаров. «Ногти»*. М.: Ad Marginet, 2001. Илья Стогофф. «Мачо не плачут». СПб.: Амфора, 2001. Маруся Климова. «Белокурые бестиш». СПб.: СЕТИ, 2001. «Коммерсантъ» ot 4 ноября. В: <https://www.kommersant.ru/doc/253327> [Доступ 28 VIII 2018].
- O kodirovke real'nosti, kategorii čuda i magičeskom realizme. Interv'û s Mihailom Elizarovym*. V: http://www.culture48.ru/iblock/slovo/p/o_kodirovke_realnosti_kategorii_chuda_i_magicheskom_realizme_ [Dostup 28 VIII 2018] [О кодировке реальности, категории чуда и магического реализма. Интервью с Михаилом Елизаровым. В: http://www.culture48.ru/iblock/slovo/p/o_kodirovke_realnosti_kategorii_chuda_i_magicheskom_realizme_ [Доступ 28 VIII 2018].
- Pavlúkova Valeriâ. 2016. *Poëtika neomifologizma v povesti M.Û. Elizarova «Nogti»*. «Vestnik Burâtskogo gosudarstvennogo universiteta» vyp. 1: 72-76 [Павлюкова Валерия. 2016. *Поэтика неомифологизма в повести М.Ю. Елизарова «Ногти»*. «Вестник Бурятского государственного университета» вып. 1: 72-76].
- Pogorelaâ Elena. 2009. «...Krovavuj otsvet v licah est'...» *Mihail Elizarov*. «Voprosy literatury» № 3. V: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/po6.html> [Dostup 28 VIII 2018] [Погорелая Елена. 2009. «...Кровавый ответ в лицах есть...» Михаил Елизаров. «Вопросы литературы» № 3. В: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/po6.html> [Доступ 28 VIII 2018].
- Prilepin Zahar. 2015. «Ävenie liberalizma v russskoj politike – bezuslovno vrednoe i opasnoe». *Interv'û s Mihailom Elizarovym*. «Literaturnâ Rossiâ» № 2008/13. V: <https://litrossia.ru/item/2621-yavlenie-liberazizma-v-russskoj-politike-bezuslovno-vrednoe-i-opasnoe-s-mikhailom-elizarovym-beseduet-zakhar-prilepin/> [Dostup 28 VIII 2018] [Прилепин Захар. 2015. «Явление либерализма в русской политике – безусловно вредное и опасное». Интервью с Михаилом Елизаровым. «Литературная Россия» № 2008/13. В: <https://litrossia.ru/item/2621-yavlenie-liberazizma-v-russskoj-politike-bezuslovno-vrednoe-i-opasnoe-s-mikhailom-elizarovym-beseduet-zakhar-prilepin/> [Доступ 28 VIII 2018].
- Ragozina Kseniâ. 2001. *Il'â Stogoff. «Máčo ne plačut»; Mihail Elizarov. «Nogti». Para slov o stareûših únošah*. «Znamâ» № 11. V: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/11/rago.html> [Dostup 28 VIII 2018] [Рагозина Ксения. 2001. *Илья Стогофф. «Мачо не плачут»; Михаил Елизаров. «Ногти». Пара слов о стареющих юношах*. «Знамя» № 11. В: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/11/rago.html> [Доступ 28 VIII 2018].
- Rešetnikov Kirill. 2010. *Naedine s Razumom*. «Vzglâd» ot 10 marta. V: <https://vz.ru/culture/2010/3/10/382555.html> [Dostup 28 VIII 2018] [Решетников Кирилл. 2010. *Наедине с Разумом*. «Взгляд» ot 10 марта. В: <https://vz.ru/culture/2010/3/10/382555.html> [Доступ 28 VIII 2018].
- Rudalëv Andrej. 2017. *Prekrasnoe daleko Mihaila Elizarova*. V: http://rara-rara.ru/menu-texts/prekrasnoe_daleko_mihaila_elizarova [Dostup 28 VIII 2018] [Рудалёв Андрей. 2017. *Прекрасное далеко Михаила Елизарова*. В: http://rara-rara.ru/menu-texts/prekrasnoe_daleko_mihaila_elizarova [Доступ 28 VIII 2018].
- Ryžkov Lev. 2017. *Pisatel' Elizarov: «vse novosti – skazka, tak kak ne sootvetstvuiût real'nosti»*. *Interv'û s Mihailom Elizarovym*. V: <https://rian.com.ua/interview/20170819/1026900531.html> [Dostup 28 VIII 2018] [Рыжков Лев. 2017. *Писатель Елизаров: «все новости – сказка, так как не соответствуют реальности»*. Интервью с Михаилом Елизаровым. В: <https://rian.com.ua/interview/20170819/1026900531.html> [Доступ 28 VIII 2018].

- Semikin Anton. 2010. *Veličie i košmar paternalizma. Kontrčtenie: «Mul'tiki» Mihaila Elizarova – sovetskij otvet «Zavodnomu apel'sinu»*. V: http://www.kasparov.ru/material.php?id=4BF50BD2593D5§ion_id=499327BA00CEA [Dostup 28 VIII 2018] [Семикин Антон. 2010. *Величие и кошмар патернализма. Контрчтение: «Мультики» Михаила Елизарова – советский ответ «Заводному апельсину»*. В: http://www.kasparov.ru/material.php?id=4BF50BD2593D5§ion_id=499327BA00CEA [Доступ 28 VIII 2018].
- Stepanov Andrej. 2014. *Sozidanie čerez razrušenie: russkaâ literatura 2000-h godov. «Sovremennye problemy nauki i obrazovaniâ» № 6*. V: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16852> [Dostup 28 VIII 2018] [Степанов Андрей. 2014. *Созидание через разрушение: русская литература 2000-х годов. «Современные проблемы науки и образования» № 6*. В: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16852> [Доступ 28 VIII 2018].
- Šaroval Sergej. 2008. *Mihail Elizarov: «Â čajû spravedlivosti, no ne znaû, čto èto takoe». Interv'û s Mihailom Elizarovym. «Kul'tura» № 48 (7661)*. V: http://www.litkarta.ru/dossier/elizarov-kultura/dossier_21995/ [Dostup 28 VIII 2018] [Шаповал Сергей. 2008. *Михаил Елизаров: «Я чаю справедливости, но не знаю, что это такое». Интервью с Михаилом Елизаровым. «Культура» № 48 (7661)*. В: http://www.litkarta.ru/dossier/elizarov-kultura/dossier_21995/ [Доступ 28 VIII 2018].
- Zaharova Ekaterina. 2016. *Mihail Elizarov v Tambove: «U menâ voinskie pesni. Pesni voobše dolžny byt' voinskimi». Interv'û s Mihailom Elizarovym*. V: https://tmb.news/exclusive/intervyu/mikhail_elizarov_v_tambove_u_menya_voinskie_pesni_pesni_voobshche_dolzhny_byt_voinskimi/ [Dostup 28 VIII 2018] [Захарова Екатерина. 2016. *Михаил Елизаров в Тамбове: «У меня воинские песни. Песни вообще должны быть воинскими». Интервью с Михаилом Елизаровым*. В: https://tmb.news/exclusive/intervyu/mikhail_elizarov_v_tambove_u_menya_voinskie_pesni_pesni_voobshche_dolzhny_byt_voinskimi/ [Доступ 28 VIII 2018].

Summary

MIKHAIL ELIZAROV: BETWEEN POSTMODERNISM AND “MAGICAL REALISM” (*FINGERNAILS, THE LIBRARIAN, THE CARTOONS*)

Mikhail Elizarov (b. 1973 in Ukraine) undoubtedly belongs to the most “bizarre”, controversial and uncompromising contemporary Russian writers, the most radical of Russian Booker winners – his novel *The Librarian* was awarded the 2008 Russian Booker Prize. Elizarov is also a musician, working in a style he calls “bard-punk-chanson”. His literary works “balance” on the verge of postmodernist and realistic practice, between reality and phantasmagoria. The aim of this article is to present a creative personality of the author: to reveal distinguishing features of Elizarov’s prose, to identify central motifs and themes in Elizarov’s selected literary works. Special attention is paid to Elizarov’s interest in violence and death, as well as the theme of Soviet nostalgia. Elizarov’s two novels and the collection of short stories and stories are analyzed in the article. These are *The Librarian* (2007), *The Cartoons* (2010) and *Fingernails* (2001).

Kontakt z Autorką:
ela.pankowska@poczta.onet.pl